

Татьяна Венедиктова

Наука о литературе в поисках «мирского» призвания

DOI: 10.53953/08696365_2024_186_2_294

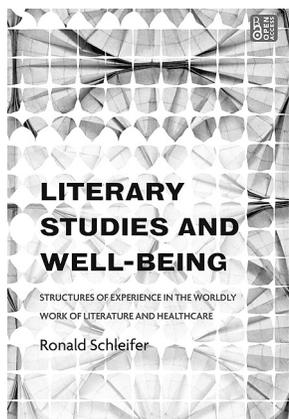
Schleifer R. *Literary Studies and Well-being: Structures of Experience in the Worldly Work of Literature and Healthcare.*

L.; N.Y.: Bloomsbery Academic, 2023. — XI, 268 p.¹

Только произведения искусства, в конечном счете, способны обеспечить полноценное и безграничное общение человека с человеком, насколько оно вообще возможно в мире, где сообщества опыта разгорожены рвами и стенами.

*Джон Дьюи. Искусство как опыт*²

Чувствуется, что книгу писал многоопытный ученый. Профессор Оклахомского университета Рональд Шлейфер — автор, редактор и переводчик двух десятков книг, посвященных проблемам модернизма, литературной и культурной теории, в частности взаимосвязи литературного творчества с семиотикой, экономикой и медицинской этикой. О широте его интересов можно судить и по публикациям на страницах НЛО³. Обилие в новой книге реминисценций и ссылок на собственные исследования поэтому неудивительно. Больше удивляет экспериментальность манеры письма.

Единицы структуры именуются «главами-лекциями» (исходно это и были лекции, прочитанные автором в 2020 г. преподавателям английского языка и литературы Харбинского технологического института), из них первые две образуют что-то вроде долгой и осторожной преамбулы: «Тезис и контексты», затем — «Введение». Основной тезис автор формулирует не раз и всякий раз по-разному: аргумент разворачивается музыкально, с возвратами к темам, ранее вброшенным, и предвосхищением идей, развитие которых оставляется на потом. Ритм повествования прерывист за счет теоретических врезок, которые то и дело задерживают и рефокусируют внимание читателя. Цитат много, и источники самые разные: свой предмет — ли-

- 1 Бесплатная электронная версия книги доступна по адресу: <https://www.bloomsburycollections.com/monograph?docid=b-9781350335714>.
- 2 *Dewey J. Art as Experience.* N.Y.: Minton, Balch & Co, 1934. P. 110.
- 3 См.: *Венедиктова Т., Шлейфер Р.* Революционная ситуация forever, или Американские филологи времен «Империи»: [Рец. на кн.: Hardt M., Negri A. *Empire.* Cambridge, 2000] // *Новое литературное обозрение.* 2004. № 65. С. 355–365; *Шлейфер Р.* Ужасающая фактуальность боли: семиотика и возможность репрезентации чувственного опыта / Пер. с англ. А. Логутова // *Новое литературное обозрение.* 2016. № 135. С. 16–27.

тературное творчество — автор предлагает обдумать в терминах то эволюционной биологии, то экономики, то семиотики, то музыковедения, то истории культуры. За пируэтами следить довольно трудно, но с этим примиряет тон повествования — доверительный к читателю и слегка ироничный. Поскольку задачу гуманитария Шлейфер видит не в решении проблем, а в постановке вопросов и их последовательном усложнении (с. 17), его изложение столько же стремится к ясности, сколько от нее вполне сознательно убегает. Это значит, что прочитать книгу можно по разным траекториям, примерно так, как слушатели курса лекций по-разному извлекают из него близкий себе смысл. Свой опыт чтения я попробую осветить, отталкиваясь от ключевых слов, которые все сосредоточены в названии: помимо «литературоведения» и «литературы», в нем фигурируют еще три понятия, из которых с легкостью поддается переводу только первое: *structures of experience* (структуры опыта), *worldly work*, *well-being*.

Литература, какой мы знаем ее сегодня, напоминает Шлейфер, появилась не раньше, чем в XVII—XVIII столетиях, а литературоведение, естественно, еще младше — оно возникло в составе системы современных академических дисциплин во второй половине XIX в. Дисциплина — это набор навыков, методов и норм, дающих объяснение определенному предмету, внутренне согласованных и ставших предметом согласия в ученом сообществе. Согласие и согласованность предполагают профессиональное видение предмета, дистанцированное от непосредственности «любительских» реакций, что открывает особые познавательные возможности, хотя и создает определенные ограничения. Гуманитарные дисциплины осознавали свою специфику постепенно, соотносясь с позитивистским идеалом научности и отталкиваясь от него. Идеалу этому в наибольшей мере соответствовали и соответствуют дисциплины номологические, такие как физика или химия, — стремящиеся к постижению неподвластных времени законов природы. Науки биологические и социальные могут претендовать на выведение законов только в слабой форме статистических закономерностей, а предлагаемое ими всегда ретроспективное описание явлений не обладает предсказующей силой. Но даже на их фоне гуманитарные дисциплины выглядели весьма уязвимыми: сосредоточенные не на количественных, а на качественных параметрах, оперирующие не строгими тождествами, а аналогиями и гомологиями (структурными сходствами), они представлялись критикам слишком описательными, недостаточно систематичными и откровенно субъективными.

Однако ясность позитивистского видения со временем подверглась «затмению»: за мнимой самодостаточностью, самоочевидностью фактов стали обнаруживаться «привычки мысли» (Ч. Пирс), закрепленные институционально, — иначе говоря, конструкторы идеологии. И вот на рубеже XIX—XX вв. европейская гуманитарная мысль, соединяя наследие ранних эмпириков с инсайтами модных прагматистов, открывает для себя категорию опыта. Опыт понимается как живой поток, процесс, взаимодействие, в котором умозрительное и чувственное, осознаваемое и бессознательное, объективное и субъективное, социальное и индивидуальное пребывают не в дуалистической оппозиции, а в подвижном единстве. С новой точки зрения «перцепции» — это не прозрачные окна в мир, а средства активной адаптации к миру⁴; познание включает в себя работу отбора, производство и тести-

4 В этой связи Шлейфер цитирует (на с. 62) философа Майкла Мура: «Образы на сетчатке могут считаться непосредственными отображениями реальности, но наши представления о том, что мы видим, формируются на основе не только ретинальных образов, но также и наших более общих убеждений» (*Moore M. Moral Reality // Wisconsin Law Review. 1982. No. 6. P. 1110*).

рование гипотетических возможностей, воображение, иллюзиетворчество, иногда и самообман. Принципиально важна мысль о том, что опыт при кажущейся его непосредственности всегда опосредован, а значит, структурирован, хотя объективации и анализу структуры опыта поддаются с трудом.

Прорывы прагматистской мысли были временно обесценены в период господства аналитической философии и структурализма, но интерес к ним вновь ожил в последней трети XX столетия. Шлейфер анализирует ход рассуждений выдающегося теоретика культуры Раймонда Уильямса, который в конце 1970-х (в книге «Марксизм и литература») в поисках названия для единицы культурного анализа выбирал между двумя формулировками: «структуры опыта» и «структуры чувства». В итоге Уильямс останавливается на второй, оговаривая, что слово «опыт», конечно, лучше, поскольку шире по смыслу, но в то же время и «хуже». Почему? Потому что самое распространенное из его значений отсылает к знанию, приобретенному в процессе жизни, уже сложившемуся и упорядоченному. Между тем для задач культурного и социального анализа продуктивнее сосредоточиться на переживании непосредственном и внутренне подвижном, — на «сознании практическом, развертывающемся в моменте настоящего, в живой последовательности создаваемых взаимосвязей» (цит. на с. 18).

С тех пор прошло еще полвека, и подход, суть которого осторожно нащупывал Уильямс (сегодня он нередко именуется «экспериментальным» — *experiential*), получил широкое трансдисциплинарное развитие. Тому свидетельством — целый веер новейших трендов: исследования аффекта, эстетического опыта, разных форм воплощенного сознания, материально-медийных форм коммуникации. Литература и наука о литературе работают с формами/структурами опыта (или «чувства»), используя сходный инструментарий: привилегированное место в нем занимают такие понятия, как рефлексивное удвоение, остранение и инференция.

Значение удвоения (*double-take*) — взгляда, реакции или позиции с целью их лучшего понимания — трудно переоценить. Явления и процессы культуры, по выражению Бенвениста, «всегда следует рассматривать как двойственные <...>. Факт культуры является таковым лишь постольку, поскольку он отсылает к какой-то другой вещи»⁵. Например, в литературном высказывании, если рассматривать его как факт культуры, неразрывны, но и неслитны значение и «сила» (*force*) воздействия; в читательской реакции неразрывны, но и неслитны свойства произведения-как-объекта и переживание этих свойств субъектом. Именно двойственность, повышенная рефлексивность отличает эстетический опыт от обыденного. В литературе, говоря словами Риты Фелски, «мы заново открываем то, что уже знаем, но в виде переупорядоченном и переописанном, как бы мерцающем в новом освещении (*shimmering in a transformed light*)» (цит. на с. 92).

Разнообразно реализуется в современной теории и идея остранения. Например, Майкл Клун, исследуя состязания разных авторов с силой времени, рассуждает о способности произведений искусства сохранять и воспроизводить силу первого впечатления («видения как впервые») и предлагает считать ее важнейшим критерием эстетического качества⁶. О «чувстве будущего» как об одном из человеческих чувств (их оказывается больше, чем мы привыкли думать!) размышляет цитируемый Шлейфером психолог Дэвид Гурон: главный источник удовольствия от музыки он усматривает в предоставляемых ею слушателю «безопасных сюр-

5 Бенвенист Э. Общая лингвистика / Пер. с фр.; под ред. Ю.С. Степанова. М.: Прогресс, 1974. С. 58.

6 *Clune M. Writing Against Time*. Stanford, CA: Stanford University Press, 2013.

призах» (safe surprises)». При этом внимание слушателя (как и читателя литературных текстов) направлено в будущее измерение, уже присутствующее как обещание или возможность в любом переживаемом моменте. Это позволяет и субъекту, освобождаясь от невидимого плена автоматизма и привычки, направлять энергию на самоизменение. Поясняя это базовое, с его точки зрения, свойство эстетического опыта, Шлейфер снова и снова возвращается к паре близких по смыслу английских слов: *meaning* (значение заданное и скрепленное с единицей формы) и *purport* (значение как событие или открытый в будущее процесс)⁸, наделяя именно второе понятие повышенной ценностью. Сходным образом способность эстетического восприятия распространяться за собственный предел описывает упомянутый выше Клун: «Эстетическое удовольствие продлевается в будущее, превышая мою актуальную способность переживания. Притом гарантию такого продления я усматриваю в самом произведении» (цит. на с. 190).

Речь здесь, по сути, идет об инференции — способности выводить новое знание из уже наличного, которая «частью рациональна, частью мистична, частью подлжит определению, а частью для него недостижима»⁹. Инференция реализуется не обязательно логическими шагами, чаще — посредством актов воображения и эмпатии, прыжков интуиции, со-погружения в аффективные состояния. Инференционное понимание по природе своей соучастно, социально, и в обыденной жизни мы используем этот навык тем активнее, чем сложнее, многосоставнее объемлющая нас среда. Литература создает возможность для тренировки инференционного навыка, щедро сопрягая его использование с удовольствием: мы все учимся и в итоге умеем (хоть и в разной степени) читать «написанное между строк», предугадывать смысл и восстанавливать его постфактум, использовать контекстные сигналы и фоновые знания (собственные и/или предполагаемые в другом субъекте), угадывать авторские интенции и импликации текстовых событий, заполнять лакуны, прозревать за частями целое и распределять внимание в его пределах, гибко обновлять интерпретации, справляться с неопределенностью и множественностью возможных значений.

Наука о литературе изучает способность языка не только отображать человеческий опыт, но и формовать, производить его в актах коммуникации, опосредованных воображением. Структуры литературного опыта сложнее и многочисленнее тех, что человек получает в ходе практической жизни. «Нащупывая» их в языке, опознавая, тестируя, подвергая трансформациям, мы получаем особого рода знание, родственное тому, что Аристотель называл фронезисом, практической мудростью. Культивируемая литературой практическая мудрость, по убеждению Рональда Шлейфера, призвана к мирской работе.

Но что такое мирская работа (worldly work)? Слово *worldly* переводится на русский как 'мирской, земной, светский', причем в английском языке оно имеет

7 Huron D. Sweet Anticipation: Music and the Psychology of Expectation. Cambridge, MA; L.: MIT Press, 2008.

8 Присутствуют ссылки на Л. Ельмслева, на важное для него понятие *mening*, отсылающее к мысли, существующей предварительно как аморфная масса, нерасчлененная сущность, «материал» до его лингвистического оформления (см.: Ельмслев Л. Прологомены к теории языка / Пер. с англ.; сост. В.Д. Мазо. М.: КомКнига, 2006). Этому понятию в английском переводе с датского соответствует *purport*. М.В. Ильин в статье «Лингвистические повороты: упущенные шансы и наличные возможности» (Политическая наука. 2023. № 3. С. 20) предлагает новый вариант русского перевода того же понятия: дóмысль.

9 Keene E.O., Zimmermann S. Mosaic of Thought: The Power of Comprehension Strategy Instruction. Portsmouth, NH: Heinemann, 1997. P. 145.

и намного более широкий круг значений, и более позитивные коннотации, чем в русском (например, в применении к человеку *worldliness* означает многоопытность и контактность, социальную компетентность). О «мирском» измерении работы гуманитария задумался сорок лет назад Эдвард Саид¹⁰. Любой текст, художественный или научный, писал он тогда, производится и действует в мире, а значит, и критик не имеет права прятаться от мира в башне высоколобого профессионализма, он должен неустанно думать о социально-критическом смысле своей работы: содействует эта работа или противодействует приращению справедливости и равноправия в мире постколониальном, властно-неравновесном? Шлейфер не раз ссылается на Саида, но в собственной трактовке мирской работы имеет в виду несколько другой ценностный ориентир, который определяет как *well-being*.

Под «хорошестью» жизни имеется в виду некоторое совокупное качество, соединяющее в себе физическое здоровье, материальное благосостояние, социальное благополучие, моральное благо и эстетическое богатство. Понятие полагается родственным аристотелевской *эвдемонии* или не менее многозначному понятию *le/lè* (乐), давно живущему в китайской культуре: это и радость, и счастье, и оптимизм, и экономическое процветание, и музыкальность, и ощущение здоровья, особенно остро переживаемое в пору, когда организм оправляется от болезни¹¹. В «хорошести» по Шлейферу, как кажется, доминирует все же эстетический момент.

Красота, говорил когда-то Стендаль, не более чем обещание счастья, — такое обещание и дает нам искусство. И ничего большего, чем это вечно ускользающее обещание, устремление, радостное и щедрое к миру ожидание, человек не может пожелать себе или собственным детям. Это состояние предполагает расширение чувствительности и аффективных реакций, а значит — способность к эмпатии, а значит — естественно-этическое поведение, расположенность к межпоколенческой взаимной заботе.

Этот, казалось бы, вневременной идеал Шлейфер пытается «заземлить» в истории культуры, и здесь его мысль принимает интересный и особенно проблематичный поворот, заставляя вспомнить об еще одном смысле слова *worldly*: «мирской, мировой, глобальный».

Регулярно бывая в Китае и наблюдая жизнь этой страны, автор книги приходит к выводу (и ряд китайских коллег склонны с ним согласиться¹²), что сегодня, на рубеже XX—XXI столетий, китайцы переживают нечто аналогичное тому, что переживал Запад, включая США, сотней лет ранее, в период модернизма¹³. Там и тогда экономика начала переориентироваться с производства на потребление; значительное число людей, принадлежащих новому среднему классу, стали по-

10 См.: *Said E.W. The World, the Text, and the Critic*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1983.

11 Мысль о внутренней родственности «мирской работы литературы и целительства» (с. 250) особенно дорога Шлейферу, много лет преподававшему курсы по литературе и этике будущим докторам медицины. См.: *Schleifer R., Vannatta J.B. Literature and Medicine: A Practical and Pedagogical Guide*. Cham: Palgrave Macmillan, 2019; *Schleifer R., Vannatta J.B. The Chief Concern of Medicine: The Integration of the Medical Humanities and Narrative Knowledge into Medical Practices*. Ann Arbor: University of Michigan Press, 2013.

12 См., например: *Wang T., Schleifer R. Modernist Poetics in China: Consumerist Economics and Chinese Literary Modernism*. Cham: Palgrave Macmillan, 2022.

13 См.: *Венедиктова Т. Политэкономика литературного модернизма [Рец. на кн.: Schleifer R. A Political Economy of Modernism: Literature, Post-Classical Economics and the Lower Middle-Class. Cambridge, 2018] // Новое литературное обозрение. 2020. № 162. С. 350—355.*

треблять вещи и услуги сверх и помимо «естественной потребности», то есть уровня, обеспечивающего простое выживание. Самореализация, саморазвитие, повышение качества индивидуальной жизни и качества социальной среды стали осознаваться этой когортой как новые императивы. Они же продвигаются и системой образования. Человек, насытившийся и уверенный в завтрашнем благополучии, располагает досугом, чтобы читать, смотреть, выбирать, осознавать свои желания, наслаждаться.

Путь продвижения к нормам осознанного и гуманного потребления долог и неровен, но в какой-то части он пройден, — допустим, что так. Очевидно, что средний класс, бурно формирующийся в Китае, как и в других бывших странах второго и третьего мира, находится у начала этого пути. При этом входит ли он (или они, или мы) в «ту же самую» воду? Вопрос открытый. Мир грамотных, самокритичных, любопытных, нежадных потребителей — не худший из возможных воображаемых миров (особенно если оттуда экспериментально выслать властолюбивых политиков и фанатиков-моралистов). Но в повсеместной реализуемости этой экономико-эстетической утопии лично у меня есть большие сомнения. Я склонна согласиться с Рональдом Шлейфером в том, что важным средством обживания новой, эстетизированной реальности служила в прошлом и продолжает служить сейчас литература. А раз литература, то, стало быть, и знание о литературе — только не «позитивное» (не позитивистское), а «негативное», то есть играющее, самокритичное, нацеленное отнюдь не на овладение своим предметом, зато со всей серьезностью относящееся к наивной и неистребимой мечте человека о «хорошей жизни».

Думая о формах и способах трансляции такого знания, Шлейфер вспоминает историю о том, как Уильям Батлер Йейтс и его друг Джордж Мур взялись однажды писать пьесу для нарождавшегося ирландского национального театра. Мур заметил, что было бы неплохо, чтобы уже написанную ими по-английски пьесу кто-то перевел на ирландский, а потом опять на английский: от «купания» в ирландском языке текст может ощутимо выиграть. Так и в данном случае: почему бы высоколобую западную теорию, которая силится соединить привычный культ сложности с «неслыханной простотой», не искупать в море китайского практицизма? Американский теоретик литературы читает лекции китайским инженерам (точнее, китайским коллегам, которые учат китайских инженеров английскому), — ситуация выглядит сюрреалистичной, однако она реальна. Этот удивительный факт дает пусть маленькую, но надежду, которую мы рады разделить с Джоном Дьюи (см. эпиграф к этой рецензии), — на то, что человеческие сообщества при всех драматических различиях приоткрыты взаимным урокам доброй воли и практического смысла. Урокам, которые преподаются и транслируются средствами эстетики.